

С Е Р И Я

П О Л И Т И Ч Е С К А Я

Т Е О Р И Я

WHAT IS
POPULISM?

JAN-WERNER MÜLLER

ЧТО ТАКОЕ ПОПУЛИЗМ?

ЯН-ВЕРНЕР МЮЛЛЕР

Перевод с английского
АНАСТАСИИ АРХИПОВОЙ

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2018

УДК 659.4

ББК 66.0

М98

Настоящая книга основана на лекциях в Институте гуманитарных наук, прочитанных в 2014 году.

Институт гуманитарных наук (Das Institut für die Wissenschaften vom Menschen, IWM) — независимый институт передовых исследований в гуманитарных и социальных науках (www.iwm.at).

Institut für die Wissenschaften vom Menschen
Institute for Human Sciences

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
АРТЕМ СМИРНОВ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

М98 **Мюллер, Я.-В.**

Что такое популизм? [Текст] / пер. с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 144 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1710-9 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1697-3 (e-book).

В своей новаторской работе Ян-Вернер Мюллер утверждает, что в основе популизма лежит отказ от плюрализма. Популисты всегда заявляют, что они, и только они, представляют истинные интересы народа. Мюллер показывает, что, вопреки распространенному мнению, популисты могут осуществлять правление на основании своих притязаний на исключительное моральное представительство от имени народа: если у популистов достаточно власти, они в конце концов создают авторитарное государство, в котором все, кто не принадлежит к «истинному народу», будут исключены из политического процесса. В книге предлагается ряд конкретных стратегий, которые могли бы помочь либеральным демократам понять, что делать с популистами и как, в частности, противостоять их притязаниям на исключительное представительство от имени «молчаливого большинства» или «истинного народа».

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 659.4

ББК 66.0

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1710-9

ISBN 978-5-7598-1710-9 (в пер.)

ISBN 978-5-7598-1697-3 (e-book)

ISBN 978-0-8122-4898-2 (англ.)

WHAT IS POPULISM?

Copyright © 2016 Jan-Werner Müller

All rights reserved.

© Перевод на русский язык. Издательский дом Высшей школы экономики, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ. ВСЕ МЫ — ПОПУЛИСТЫ?	15
I. ЧТО ПОПУЛИСТЫ ГОВОРЯТ	22
ПОНЯТЬ, ЧТО ТАКОЕ ПОПУЛИЗМ: ТУПИКИ	27
ЛОГИКА ПОПУЛИЗМА	37
ТАК КОГО ЖЕ, ПО ИХ УТВЕРЖДЕНИЮ, ПРЕДСТАВЛЯЮТ ПОПУЛИСТЫ?	44
ПОПУЛИСТСКИЕ ЛИДЕРЫ	54
ЕЩЕ РАЗ: ТАК, ЗНАЧИТ, ВСЕ МЫ ПОПУЛИСТЫ?	61
II. ЧТО ПОПУЛИСТЫ ДЕЛАЮТ, ИЛИ ПОПУЛИЗМ ВО ВЛАСТИ	65
ТРИ ПОПУЛИСТСКИХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ МЕТОДА И ИХ МОРАЛЬНОЕ ОПРАВДАНИЕ	69
ПОПУЛИЗМ ВО ВЛАСТИ — ЭТО «НЕЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ»?	74
ПОПУЛИСТСКИЕ КОНСТИТУЦИИ: ПРОТИВОРЕЧИЕ В ОПРЕДЕЛЕНИИ?	85
ТАК ЧТО ЖЕ: НАРОДУ НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ «МЫ, НАРОД»?	94
III. КАК БЫТЬ С ПОПУЛИСТАМИ	104
ПОПУЛИСТЫ И ОБЕЩАНИЯ, КОТОРЫЕ НАРУШИЛА ДЕМОКРАТИЯ	105
ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КРИТИКА ПОПУЛИЗМА: ТРИ ПРОБЛЕМЫ	109

КРИЗИС ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА? СЛУЧАЙ АМЕРИКИ.....	115
ЕВРОПА МЕЖДУ ПОПУЛИЗМОМ И ТЕХНОКРАТИЕЙ.....	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СЕМЬ ТЕЗИСОВ О ПОПУЛИЗМЕ	131
БЛАГОДАРНОСТИ	134

У слова «народ» всего лишь одно значение — «смесь». Попробуйте подставить вместо «народа» слова «число» и «смесь», и вы получите самые удивительные словосочетания — «суверенная смесь», «воля смеси» и т.д.

Поль Валери

Власть исходит от народа. Но куда она приходит?

Бертольт Брехт

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые эта книга была опубликована летом 2016 г. С тех пор произошел ряд событий. Некоторые из них могут оказаться поучительными с точки зрения того, как следует размышлять о популизме — и как с ним бороться.

Если автор инаугурационной речи Дональда Трампа хотел создать образцовый текст для пособия по изучению популизма, это ему (или ей), несомненно, с блеском удалось. Когда слушаешь эту речь, невозможно отделаться от мысли, что США только что освободились от власти оккупантов. Президент объявил, что власть снова принадлежит народу, после свержения ненавистного, чуждого ему «истеблишмента», захватившего Вашингтон.

Все популисты, так же как и Трамп, противопоставляют «народ» коррумпированной и своекорыстной элите. Но не всякий, кто критикует власть имущих, — популист. Популиста отличает — и это основная мысль этой книги — утверждение, что он и только он представляет настоящий народ. Как объяснил нам Трамп, ему теперь принадлежит исполнительная власть, а стало быть, народу принадлежит власть над правительством. Из этого следует, что любая оппозиция нелегитимна: если ты против Трампа — ты против народа. Это глубоко авторитарная позиция, знакомая нам по таким лидерам, как Уго Чавес, венгерский премьер-министр Виктор Орбан, объявивший себя нелибералом, и турецкий президент Реджеп Тайип Эрдоган. Трамп послал миру очень четкий сигнал о том, какую угрозу он представляет для демократии.

Чавесу нравился лозунг «Вместе с Чавесом правит народ». По иронии судьбы, такой знак равенства между народом и его верным представителем подразумевает, что популист не берет на себя никакой политической

ответственности. Трамп делает вид, что он всего лишь главный исполнитель истинной воли народа. В таком же ключе Эрдоган после переворота летом 2016 г. отреагировал на критику его намерений вернуть смертную казнь: «Значение имеет только то, что скажет мой народ». И не важно, что он уже заранее проинструктировал «свой народ», что ему говорить; не важно, что он выступает в роли единственного законного толкователя гласа народного. Любое несогласие по определению становится недемократическим. И все сдержки и противовесы — абсолютно необходимые и естественные в системе демократического разделения властей — становятся препятствием на пути осуществления народной воли.

Некоторые либералы наивно полагали, что Трамп в какой-то момент продемонстрирует четкое намерение «объединить» и «исцелить» разделенную страну. После своего избрания Трамп писал в Твиттере послания в таком духе: «Мы объединимся и победим, победим, победим!» В инаугурационной речи он говорил о «единой» и «несокрушимой» Америке. Все популисты постоянно говорят об «объединении народа». Но это всегда объединение на условиях, которые диктует народ, а иначе — берегись! Так, в мае 2016 г. Трамп заявил в одной из своих речей во время предвыборной кампании (мы еще упомянем об этом в книге): «Единственное, что важно, — это объединение народа, потому что другие люди ничего не значат». Другими словами, статус принадлежности к народу даже тех, кто со всех мыслимых юридических и моральных точек зрения является полноправными гражданами, может быть поставлен под сомнение, если они не разделяют представлений популиста о том, как именно должно осуществляться единство народа.

Всякий популист пытается объединить *свой* народ — подлинный народ, — постоянно выступая против тех, кто, с его точки зрения, не является частью «настоящей Америки», «настоящей Турции» и т.д. По-

ляризация — для популистов не проблема, а способ удержания власти. Поэтому более чем наивно полагать, что рано или поздно популисту придется «пойти на контакт с другой стороной». Конфликт исключительно полезен для популиста, пока ему удастся использовать этот конфликт (особенно в неутрачивающих культурных войнах), чтобы раз за разом демонстрировать, что такое «настоящий народ» и насколько он могуществен.

Но не все так плохо. Я думаю, 2016-й *annus horribilis* преподал нам еще и несколько ценных уроков. Может показаться, что феномен, исследуемый в этой книге, будет только крепнуть; в конце концов, практически каждый день мы слышим и читаем о том, что «волна популизма захлестнула весь мир». Однако представление о глобальном тренде «антиэлитистских настроений» — это отнюдь не нейтральное описание политической реальности. Популистские лидеры сами постоянно подогревают такие идеи, в дополнение к своего рода теории домино. Марин Ле Пен на собрании европейских популистов в Кобленце (Германия) в январе 2017 г. воскликнула: «2016-й был годом пробуждения англосаксонского мира. Я уверена, что 2017-й год станет годом пробуждения народов континентальной Европы!» Найджел Фарадж, не удовлетвоваввшись метафорами домино и волн, заговорил сразу о «цунами» и, причудливо тасуя метафоры, восхвалял итальянских избирателей, которые отвергли конституционные реформы премьер-министра Маттео Ренци за то, что они «пальнули из базуки» по Европе.

Эти красочные и довольно-таки безвкусные образы вводят в большое заблуждение. Брекзит вовсе не дело рук одного Фараджа. Чтобы добиться «выхода», он нуждался в союзниках из числа тори, таких как Борис Джонсон и Майкл Гоув, — причем в Гоуве, пожалуй, больше всех остальных. Все-таки Джонсон всегда считался несколько эксцентричным политиком; Гоув же выглядел интеллектуалом-тяжеловесом в правитель-

Что такое популизм?

стве (он был министром образования и министром юстиции). Когда Гоув заявил, что граждане не должны верить экспертам, это прозвучало веско — ведь Гоув сам был экспертом. Еще важнее то, что Брекзит стал не просто результатом стихийных антиэлитистских настроений всех угнетенных: евроскептицизм, который когда-то был маргинальной позицией части британских консерваторов, десятилетиями пестовался таблоидами и политиками вроде Дэвида Кэмерона, который не верил в выход из ЕС, но из своих соображений и карьерных интересов продолжал твердить мантру о плохом Брюсселе. Те же самые аргументы годятся и для ситуации по другую сторону Атлантики. Трамп выиграл не в качестве кандидата-аутсайдера от третьей стороны — популистского движения. У Фараджа были Джонсон и Гоув, а Трамп заручился благословением таких почтенных республиканцев, как Ньют Гингрич (еще один настоящий интеллектуал от консерваторов), Крис Кристи и Руди Джулиани. Верно и то, что многие известные республиканцы воспротивились восхождению миллионера-застройщика. Но партия никогда не исключала его из своих рядов, и узкопартийная позиция — ключевой фактор, объясняющий исход выборов: 90% граждан, считающих себя республиканцами, голосовали за Трампа. Не будет преувеличением сказать, что некоторые из них проголосовали за Трампа, как в свое время американцы голосовали за бизнесмена — «спасителя нации» Росса Перо (его выдвижение кандидатом от третьей партии помогло Биллу Клинтону выиграть в 1992 г.). Еще раз: без Республиканской партии Трамп не стал бы президентом.

Приведем один эмпирический контрпример, который ставит под сомнение всю эту образность домино и волн. В Австрии все предсказывали победу правого популиста Норберта Хофера на выборах в декабре 2016 г., но вместо этого выиграл политик от партии «зеленых» Александер Ван дер Беллен. Этот, казалось

бы, сбой во всемирном популистском тренде содер- жит в себе ценный урок для Запада. Многие консерва- тивные политики открыто выступили против Хофера, особенно местные мэры и другие провинциальные по- литики, пользовавшиеся доверием сельской Австрии, которое лидерам «зеленых» из Вены совершенно точно не удалось бы завоевать самим по себе. Раскола между сельским населением, сочувствующим популистам, и городами, приверженными либерализму, — раскола, очевидного в ситуациях с Брекситом и Трампом, — на самом деле можно избежать. Более того, благодаря кампании Ван дер Беллена множество граждан стали вступать в контакт с людьми, с которыми они обычно не пересекались в своей повседневной жизни. У них даже были листовки с инструкциями, как разговари- вать со сторонниками Хофера: например, не переходить в немедленную атаку и не обвинять их в ксенофо- бии и фашизме. Популизм можно остановить.

Очень важно не заикливаться чрезмерно на по- пулистах и радикальных партиях. Нам нужно при- сматриваться и к другим политикам, в частности, отслеживать, кто из консерваторов готов пойти на сотрудничество. Мы также должны осознавать, что иногда обычные консервативные или христианско-де- мократические партии превращаются в популистские и тем самым стирают четкую грань между «истеблиш- ментом» и «антиистеблишментом». Орбановская пар- тия «Фидес» не всегда была популистской и не вела кампанию 2010 г. на популистской платформе; только после своего избрания Орбан превратился в убежден- ного противника либерализма и ЕС и лидера, система- тически подрывающего закон и демократические цен- ности в своей стране. И точно так же партия «Право и справедливость» Ярослава Качиньского на выборах 2015 г. демонстрировала умеренную позицию, но, по- лучив поддержку большинства, тут же обнаружила свое истинное популистское лицо и последовала по стопам Орбана.

Что такое популизм?

Конечно, панацеи от популизма не существует и нет никаких пошаговых инструкций, как победить популистов. Но мы все же не полностью дезориентированы и беспомощны. Убеждайте политиков разговаривать с популистами — но не *как* популисты. Присматривайтесь к потенциальным союзникам среди консерваторов, попытайтесь отговорить их от сотрудничества с популистами (разумеется, если эти последние перестают быть популистами — т.е. антиплюралистами, — с ними прекрасно можно работать в условиях демократии). Не стоит презрительно сбрасывать со счетов сторонников популистов и называть их «никудышными», как это сделала Хилари Клинтон в сентябре 2016 г. Разговаривайте с людьми, с которыми вы не часто сталкиваетесь; если у вас есть серьезные основания полагать, что они стали жертвами несправедливости, требуйте от вашего правительства и/или вашей партии исправить эту несправедливость.

Вена, январь 2017 г.

ВВЕДЕНИЕ. ВСЕ МЫ — ПОПУЛИСТЫ?

На нашей памяти слово «популизм» во время американской избирательной кампании никогда еще не звучало так часто, как в 2015–2016 гг. «Популистами» называли и Дональда Трампа, и Берни Сандерса. Это термин постоянно использовался в качестве синонима понятия «антиистеблишмент» и, судя по всему, безотносительно к конкретному политическому содержанию. Содержание, в отличие от установки, попросту не принималось в расчет. Этот термин в первую очередь ассоциировался с определенными настроениями и эмоциями: популисты «рассержены», а их сторонники испытывают «разочарование» или «обиду». Такие же утверждения звучат и в адрес европейских политических лидеров и их сторонников: так, например, Марин Ле Пен и Герта Вилдерса обычно называют популистами. Оба этих политика очевидным образом принадлежат к правому крылу. Но, как мы видим в случае с Сандерсом, «левых» бунтарей также регулярно называют популистами: есть еще греческая СИРИЗА — альянс левых сил, пришедший к власти в январе 2015 г., и испанская партия «Подемос», которая, как и СИРИЗА, представляет собой фундаментальную оппозицию политике жесткой экономии, предложенной Ангелой Меркель в качестве ответа на экономический кризис в Европе. Обе они — особенно «Подемос» — подчеркивают, что вдохновляются явлением, которое принято называть «розовой волной»: успехом в Латинской Америке таких популистских лидеров, как Рафаэль Корреа, Эво Моралес и в особенности Уго Чавес. Но что же все-таки общего у всех этих политических деятелей? Если считать, вслед за Ханной Арендт, что политическое суждение — это способность правильно проводить различия, то такое повсеместное смешение правого и левого, когда речь заходит о популизме,

Что такое популизм?

должно ставить нас в тупик. Можно ли в таком случае утверждать, что ставший чрезвычайно популярным диагноз «популизм», распространяющийся на самые разные политические явления, — это сбой политического суждения?

Эта книга начинается с наблюдения, что при всех разговорах о популизме (болгарский политолог Иван Крастев, проницательный аналитик, исследующий устройство современных демократий, даже окрестил наше время «эпохой популизма») далеко не очевидно, о чем же именно мы говорим¹. У нас попросту нет никакой *теории* популизма, и мы, похоже, не располагаем никакими внятными критериями, которые позволили бы определить, в какой момент политические деятели превращаются в популистов в более или менее строгом смысле этого слова. В конце концов, каждый политик — особенно в странах с демократией, где все зависит от избирателей, — стремится понравиться «народу». Все они стремятся быть понятными для максимально большего числа граждан и чутко улавливать, что думает, а в особенности, что чувствует «простой народ». Может быть, «популист» — это просто успешный политик, который нам не по вкусу? Может, упрек в популизме как раз и является популистским ходом? Или, наконец, может быть, популизм — это «настоящий голос демократии», как утверждал Кристофер Лэш?

Задача этой книги — попытаться понять, что такое популизм и что с ним делать. Я разбираю эту проблему на трех уровнях. Прежде всего, я пытаюсь показать, какого рода политических деятелей следует квалифицировать как популистов. Я утверждаю, что *критика элит* — необходимое, но не достаточное условие, для того чтобы называться популистом. В противном случае всякий, критикующий текущее положение дел в государстве — не важно где, в Греции, Италии или

¹ *Krastev I. The Populist Moment.* <<http://www.eurozine.com/articles/2007-09-18-krastev-en.html>> (дата обращения 01.03.2012).

США, — по определению будет популистом. Что бы мы ни думали о СИРИЗА, «Движении пяти звезд» Беппе Грилло или Сандерсе, трудно отрицать тот факт, что их атаки на элиты часто вполне оправданны. Кроме того, практически любого кандидата в президенты США можно было бы назвать популистом, если все, что для этого требуется, — это критика правящей элиты: в конце концов, все кандидаты выступают «против Вашингтона».

Помимо того что они против элит, популисты всегда *против плюрализма*. Популисты утверждают, что настоящему народу представляют только они. Вспомним, например, как турецкий президент Реджеп Тайип Эрдоган заявил на съезде партии в пику своим многочисленным внутренним критикам: «Мы — народ. А вы кто?» Разумеется, он понимал, что его оппоненты — тоже турки. Такая апелляция к исключительному представительству носит не эмпирический характер, а отчетливо *моральный*. Во время предвыборной гонки популисты рисуют своих политических соперников черными красками, выставляя их частью аморальной, коррумпированной элиты; придя к власти, они отказываются признавать законность оппозиции. Популистская логика подразумевает, что тот, кто не поддерживает популистскую партию, не является частью народа — всегда понимаемого как нравственно чистая и справедливая целостность. Проще говоря, популисты не утверждают: «Мы — это 99%». Они заявляют: «Мы — это 100%».

И это уравнение всегда работает для популистов: все, что в него не укладывается, можно списать со счетов как безнравственную группу людей, на самом деле не принадлежащую к народу. Иными словами, популизм — это всегда в той или иной форме *политика идентичности* (хотя и не всякая политика идентичности непременно будет популистской). Из понимания популизма как разновидности политики идентичности, претендующей на исключительность, следует,

Что такое популизм?

что популизм представляет угрозу для демократии. Ведь демократия подразумевает плюрализм мнений и признание того, что нам нужно найти справедливый способ сосуществования свободных, равных в правах, но отличающихся друг от друга и не сводимых к одной норме граждан. Идея единого, однородного, подлинного народа — не более чем фантазия; как сказал как-то раз философ Юрген Хабермас, «народ» возможен только во множественном числе. И это к тому же фантазия опасная, потому что популисты не просто процветают благодаря конфликту, поощряя поляризацию, — они обращаются со своими политическими оппонентами как с «врагами народа» и стремятся полностью исключить их из общественной жизни.

Это не значит, что все популисты немедленно отправляют своих врагов в ГУЛАГ или возводят стены на государственных границах, но и к безобидной предвыборной риторике или к протесту, который перегорает, как только популист приходит к власти, популизм тоже не сводится. Популисты во власти могут осуществлять популистскую политику. Это противоречит «народной мудрости», согласно которой популистские протестные партии тут же самораспускаются, как только приходят к власти, поскольку сам против себя протестовать не будешь. Популистское правительство отличают три особенности: попытки монополизировать государственный аппарат; коррупция и «массовый клиентелизм» (материальные выгоды или бюрократическое покровительство в обмен на политическую поддержку со стороны граждан, которые становятся «клиентами» популистов); а также систематическое подавление гражданского общества. Конечно же, тем же самым занимаются и многие авторитарные правители. Разница в том, что популисты оправдывают свое поведение, утверждая, что они являются единственными выразителями народных чаяний; это позволяет им вполне открыто признавать свои практики. Это также объясняет, почему изобли-

чения в коррупции обычно крайне редко вредят популистским лидерам (вспомним того же Эрдогана или австрийского правого популиста Йорга Хайдера). С точки зрения их сторонников, «они делают это для нас», т.е. для подлинного народа. Во второй главе книги я показываю, что популисты даже создают конституции (наиболее наглядные примеры — Венесуэла и Венгрия). Вопреки распространенному образу популистского лидера как ничем не ограничиваемого политика, который напрямую обращается к стихийным неорганизованным массам с балкона президентского дворца, в действительности популисты часто стремятся создавать ограничения, пока им приходится считаться с существованием других партий. Конституции же они создают не для того, чтобы сохранить плюрализм, а чтобы его уничтожить.

Третья глава исследует ряд более глубоких причин популизма, в особенности недавние социально-экономические перемены повсюду на Западе. В ней также ставится вопрос о том, какая реакция на действия популистских политиков и их избирателей может оказаться наиболее эффективной. Я отвергаю как патерналистский либеральный подход, который по сути дела предлагает психотерапию гражданам, «чи страхи и гнев нужно принять всерьез», так и представление о том, что ведущим политическим деятелям нужно просто копировать популистские программы. Не годится и идея полного исключения популистов из политического диалога, поскольку исключение популистов — это просто зеркальное отражение воли популистов к исключению. В качестве альтернативы я предлагаю ряд особых политических мер, с помощью которых можно было бы дать отпор популистам.

Более четверти века назад один никому не известный чиновник из Госдепартамента опубликовал знаменитую и по большей части неверно истолкованную статью. Автором статьи был Фрэнсис Фукуяма, а называлась она «Конец истории». Давно уже стало хоро-

шим тоном с видом интеллектуального превосходства ронять с ехидной усмешкой, что, мол, с окончанием холодной войны история, очевидно, не закончилась. Но, конечно же, Фукуяма не предсказывал окончание всех конфликтов. Он всего лишь выдвинул утверждение, что на уровне идей у либеральной демократии нет больше соперников. Он признает, что кое-где другие идеологии могут пользоваться поддержкой, но при этом считает, что ни одной из них не будет под силу соперничать с повсеместной привлекательностью либеральной демократии — и рыночного капитализма.

Так ли сильно он ошибался? Радикальный исламизм не представляет серьезной идеологической угрозы либерализму. (Те, кто придумал определение «исламофашизм», демонстрируют скорее ностальгию по четко очерченным линиям фронта в духе холодной войны, нежели понимание современных политических реалий.) То, что сейчас иногда называют «китайской моделью» государственного капитализма, кажется некоторым новой моделью меритократии — по-видимому, главным образом тем, кто считает себя самыми достойными² (например, предпринимателям Кремниевой долины). Эта модель, несомненно, вдохновляет своими достижениями (миллионы людей смогли выбраться из нищеты), особенно в развивающихся странах. И все же «демократия» остается главным политическим призом, и авторитарным правительствам приходится платить огромные суммы лоббистам и пиарщикам, чтобы международные организации и западные элиты признали их в качестве истинных демократий.

Но не все так гладко обстоит с самой демократией. Опасность для сегодняшних демократий заключается вовсе не в наличии идеологических систем, последовательно отрицающих демократические идеалы. Опасность заключается в популизме — деградировав-

² Bell D.A. *The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015.

шей форме демократии, которая обещает воплотить в жизнь наивысшие демократические идеалы («Править должен народ!»). Иными словами, опасность исходит изнутри демократического мира — политические деятели, представляющие угрозу, говорят на языке демократических ценностей. Тот факт, что в результате мы получаем откровенно антидемократическую форму правления, должен беспокоить всех нас. Он говорит о том, что назрела нужда в тонком и взвешенном политическом суждении, которое позволит нам с большой точностью определить, где кончается демократия и начинаются опасности популизма.

I. Что популисты говорят

«Призрак бродит по Европе, призрак популизма»¹, — писали Гита Ионеску и Эрнест Геллнер в предисловии к сборнику статей о популизме, изданному в 1969 г. В основу сборника положены доклады, прочитанные на большой конференции в Лондонской школе экономики в 1967 г. Целью этой конференции было «дать определение популизму». Как оказалось, ее многочисленные участники так и не смогли прийти к единому мнению. Но чтение докладов выступлений весьма поучительно: трудно отделаться от мысли, что тогда, как и сейчас, всевозможные политические тревоги находили себе выход в разговорах о «популизме», причем само это слово использовалось для определения самых разнообразных феноменов, которые на первый взгляд кажутся взаимоисключающими. Учитывая, что сегодня мы точно так же не можем выработать единую позицию, невольно задаешься вопросом: а тут вообще есть о чем говорить?

В конце 1960-х понятие популизма возникло в контексте дебатов по поводу деколонизации, фантазий на тему будущего «крестьянского движения» и (что сейчас, в начале XXI в., кажется наиболее удивительным) дискуссий об истоках и развитии коммунизма в целом и маоизма в частности. Сегодня, прежде всего в Европе, все тревоги — и в гораздо меньшей степени надежды — вновь сосредоточились вокруг «популизма». В общих чертах дело обстоит так: с одной стороны, либералы обеспокоены тем, как массы, которые, с их точки зрения, стремительно утрачивают симпатии к либерализму, становятся легкой добычей для популизма, национализма и даже откровенной ксе-

¹ *Ionescu G., Gellner E. Introduction // Populism: Its Meaning and National Character / G. Ionescu, E. Gellner (eds). L.: Weidenfeld & Nicolson, 1969. P. 1.*

нофобии. С другой стороны, теоретики демократии озабочены расцветом того, что они называют «либеральной технократией», подразумевая под этим «ответственное управление» (*responsible governance*) элиты, состоящей из экспертов, которые сознательно не идут навстречу пожеланиям простых граждан². Тогда популизм — это, возможно, то, что голландский социолог Кас Мюдде назвал «нелиберально-демократическим ответом на недемократический либерализм». Популизм в этом смысле не только угроза, но также и возможность внести коррективы в политику, которая слишком оторвалась от «народа»³. Бенджамин Ардити в попытке определить взаимоотношения популизма и демократии предлагает впечатляющий образ. Согласно Ардити, популизм — это пьяный гость на званом ужине, грубиян с ужасными манерами, который «заигрывает с женами других гостей». Но зато спьяну он может выложить всю правду о либеральной демократии, которая забыла, что в основе ее лежит идеал народного суверенитета⁴.

В Соединенных Штатах слово «популизм» ассоциируется преимущественно с представлением о потенциальном конфликте истинно *эгалитарной* политики левого толка с линией Демократической партии, которая, с точки зрения популистских критиков, стала слишком центристской или, как говорят в Европе, оказалась в руках технократов (хуже того — «плутократов»). Как популистов превозносили (или клеймили) защитников «Мэйн-стрит» против «Уолл-стрит».

² Систематический обзор дилеммы ответственного и безответственного правительства см. в: *Mair P. Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. N.Y.: Verso, 2013.

³ *Populism in Europe and the Americas: Threat or Corrective for Democracy?* / C. Mudde, C. Rovira Kaltwasser (eds). N.Y.: Cambridge University Press, 2013.

⁴ *Arditi B. Populism as an Internal Periphery of Democratic Politics // Populism and the Mirror of Democracy* / F. Panizza (ed.). L.: Verso, 2005. P. 72–98.

Что такое популизм?

Популистами называют и политиков во власти, таких как мэр Нью-Йорка Билл де Блазио и сенатор от Масачусетса Элизабет Уоррен. В США часто говорят о «либеральном популизме», а вот в Европе такое выражение воспринимается как вопиющее противоречие, поскольку по разные стороны Атлантики в понятия «либерализм» и «популизм» вкладываются разные значения⁵. Как известно, в Северной Америке прилагательное «либеральный» почти синоним прилагательного «социал-демократический», а популизм — это попросту либерализм в его чистом неразбавленном виде. В Европе же популизм не может сочетаться с либерализмом, если под последним понимается уважение к плюрализму мнений и представление о демократии как системе сдержек и противовесов (и в целом ограничений, накладываемых на народную волю).

Мало того что подобная разница в политическом словоупотреблении сама по себе сбивает с толку — дело осложнилось еще больше с появлением новых движений, таких как «Чайная партия» и «Захвати Уолл-стрит». Оба описываются как популистские; дошло даже до того, что предлагалось создать коалицию между правыми и левыми силами, критически настроенными по отношению к мейнстримной политике, где популизм будет общим знаменателем. Эта любопытная симметрия обозначилась также и во время президентской кампании 2016 г., когда СМИ описывали и Дональда Трампа, и Берни Сандерса как популистов, только один был правым, а другой — левым. Общим у них обоих, как нам неустанно твердили, было то, что они «бунтари против истеблишмента», пришедшие

⁵ В последние годы в ряде европейских стран набрал силу популизм определенного толка — во имя либеральных ценностей. Тут можно вспомнить Пима Фортёйна и Герта Вилдерса в Нидерландах. Но это все равно популизм, который просто использует понятия «свобода» и «терпимость» в качестве нравственных маркеров, позволяющих отличать настоящий народ от тех, кто к нему не принадлежит; это не либерализм.

на волне «недовольства», «разочарования» и «обиды» граждан.

Очевидно, что популизм — политически сомнительное, неблагонадежное понятие⁶. Профессиональные политики знают, что стоит на кону в битве за значение этого слова. Так, например, в Европе видные «представители истеблишмента» не упускают случая заклеить своих оппонентов как популистов. Но некоторые из этих заклеянных пошли в контрнаступление. Они заявляют, что если быть популистом и значит работать на благо народа, то они с гордостью будут носить этот титул. Как нам относиться к подобным заявлениям? И как отличить настоящих популистов от тех, кого просто так называют (а также от тех, кого популистами никто не называет, в том числе они сами, и кто все же по сути — популисты)? Мы столкнулись с самым настоящим концептуальным хаосом, ведь практически кого угодно — левых, правых, демократов, антидемократов, либералов, нелибералов — можно объявить популистами, а сам популизм рассматривается то как друг демократии, то как ее злейший враг.

Как же нам быть? В этой главе я предпринимаю три шага. Во-первых, пытаюсь показать, почему распространенные подходы к пониманию популизма не работают и заводят в тупик. Социально-психологический подход, фокусирующийся на настроениях избирателей, социологический анализ, нацеленный на определенные социальные классы, а также оценка качества политических программ — все это до какой-то степени помогает понять природу популизма, но не позволяет четко очертить границы популизма и показать, в чем его отличие от других феноменов. (Самоописания политических деятелей тоже здесь не годятся: нельзя автоматически стать популистом, только потому что

⁶ Мы не хотим этим сказать, что все относительно. Демократия тоже в высшей степени неоднозначное понятие, вокруг которого ведутся споры, но это не повод отказаться от попыток создания теории демократии.

Что такое популизм?

так себя называешь.) Я отказываюсь от всех этих подходов и иду другим путем⁷.

Я полагаю, что популизм — это не жесткая доктрина, а скорее набор довольно отчетливых положений, в которых просматривается внутренняя логика. Если проанализировать эту логику, можно обнаружить, что популизм — это вовсе не полезные коррективы, которые необходимо внести в демократию, ставшую слишком «элитистской», как утверждают многие обозреватели. Образ, предполагающий, что либеральная демократия — это такие весы, которые можно качнуть чуть больше в сторону либерализма или чуть больше в сторону демократии, в корне неверный. Да, действительно, демократии могут различаться по ряду моментов, таких, например, как возможность и частота референдумов или право судей накладывать вето на законы, принятые подавляющим большинством голосов тем или иным законодательным органом. Но представление о том, что мы приближаем идеалы демократии, настраивая «молчаливое большинство», предположительно игнорируемое элитами, против избранного

⁷ С формальной точки зрения я пытаюсь сконструировать идеальный тип в духе Макса Вебера. Отчасти я делаю это для того, чтобы продемонстрировать принципиальные, на мой взгляд, отличия популизма от демократии. Очевидная опасность тут заключается в хождении по кругу: популизму приписывают характеристики, которые представляются неприемлемыми с политической, нравственной и даже эстетической точки зрения, и в результате находят подтверждение тому, что популизм и демократия отличаются друг от друга: дело заметно упрощается, если исходить из того, что демократия — непротиворечивый и бесспорный концепт, смысл которого всем очевиден. Иными словами, опасность состоит в том, что мы получаем очень четкую картинку, только потому очень предвзято описываем противоречия. У исследователей в области сравнительной политологии, изучающих популизм, другая проблема: их, наоборот, беспокоит нечеткость, размытость определений. См.: *Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // American Political Science Review. 1970. Vol. 64. P. 1033–1053.*

политика, — не просто иллюзия; это политически губительная идея. В этом смысле, на мой взгляд, правильное представление о природе популизма поможет нам глубже понять природу демократии. Популизм — это что-то вроде тени, которая постоянно сопутствует современной представительной демократии, неотступная угроза. Понимание того, что такое популизм, поможет нам лучше разглядеть отличительные черты — а также, до определенной степени, недостатки — демократических систем, в которых мы существуем⁸.

ПОНЯТЬ, ЧТО ТАКОЕ ПОПУЛИЗМ: ТУПИКИ

Представление о популизме как о чем-то «прогрессивном» или связанном с «широкими массами» — это преимущественно американский (характерный для Северной, Центральной и Южной Америки) феномен. В Европе этот термин понимается иначе, в силу других исторических предпосылок. Здесь популизм является синонимом (такого рода комментарии обычно исходят от либералов) безответственной политики или разного рода политического заигрывания («демагогия» и «популизм» часто используются как взаимозаменяемые понятия). Как выразился однажды Ральф Дарендорф, популизм — штука простая, а демократия — сложная⁹. «Популизм» издавна ассоциируется

⁸ Я разделяю озабоченность по поводу того, что можно было бы назвать «теорией теории», — политической теории, которая занята главным образом другими теориями, а не современной историей во всей ее сложности и зачастую полной непроницаемости. Но я не думаю, что подобную озабоченность нужно проявлять в виде драматических призывов к «реализму», что в результате приведет всего лишь к очередному витку теоретизирования по поводу теории, на этот раз по поводу «реализма». Пора бы уже теоретикам переходить к действиям, вместо того чтобы бесконечно обсуждать правомочность вопроса «что делать?»

⁹ *Dahrendorf R. Acht Anmerkungen zum Populismus // Transit: Europäische Revue. 2003. No. 25. P. 156–163.*

Что такое популизм?

с накоплением государственного долга — эта ассоциация снова возникла недавно при обсуждении таких партий, как греческая СИРИЗА и испанская «Подemos», которые, с точки зрения многих европейских обозревателей, служат примером «левого популизма».

Популизм также часто ассоциируется с тем или иным классом, особенно с мелкой буржуазией и, пока крестьяне и фермеры не исчезли из европейского и американского политического воображения (это произошло, на мой взгляд, примерно в 1979 г.), с теми, кто занимался возделыванием земли. Эта теория выглядит социологически обоснованной (классы — это, разумеется, условные конструкции, но их можно вполне корректно и с высокой степенью точности идентифицировать на эмпирическом уровне). Подобный подход обычно подкрепляется набором критериев, позаимствованных из социальной психологии: утверждается, что те, кто публично выражает поддержку популистам, и в особенности те, кто голосует за популистские партии, движимы «страхами» (перед модернизацией, глобализацией и т.п.) или чувством «гнева», «разочарования» и «обида».

Наконец, среди историков и социологов (и в Европе, и в США) распространено мнение, что популизм лучше всего описывать, исходя из того, какие общие черты выявляются у тех партий и движений, которые в тот или иной период своего существования называли себя «популистскими». Таким образом, характерные черты данного конкретного «-изма» выводятся из самоописаний соответствующих исторических акторов.

С моей точки зрения, ни один из этих подходов и на первый взгляд прозрачных эмпирических критериев не годится для концептуализации популизма. Учитывая распространенность таких подходов — и то, с какой легкостью употребляются сейчас на каждом шагу такие обманчиво нейтральные, эмпирически обоснованные диагнозы, как «низший средний класс» и «обида», — я хотел бы более детально изложить свои возражения.

Прежде всего, в том, что касается качества проводимой политики, трудно отрицать тот факт, что политика, обосновываемая ссылками на «народ», на самом деле может оказаться безответственной: те, кто ее проводят, плохо ее продумали и не сумели проанализировать имеющиеся данные; скорее всего, если бы они могли просчитать все долгосрочные последствия, то воздержались бы от политической гонки, эффект которой — всего лишь краткосрочная выгода от победы на выборах. Не надо быть неолиберальным технократом, чтобы видеть абсолютно иррациональный характер такого рода политических стратегий. Вспомним незадачливого преемника Уго Чавеса на посту президента Венесуэлы, Николаса Мадуро, который пытался бороться с инфляцией, отправляя в магазины электроники солдат, чтобы они меняли этикетки на товарах на новые, с заниженной ценой. (Теория инфляции, которой отдавал предпочтение Мадуро, сводилась к тому, что во всем были виноваты «паразиты из буржуазии».) А французский Национальный фронт в 1970-х и 1980-х годах расклеивал плакаты с лозунгом «Два миллиона безработных — это два миллиона лишних иммигрантов!» Такое простое уравнение всякому было под силу решить и сделать «здравый» вывод о том, каким должно быть правильное политическое решение.

И все равно мы не можем выработать четкий критерий, позволяющий определить, что составляет основу популизма. Ведь во многих областях общественной жизни четкую, бесспорную линию между ответственной и безответственной политикой провести попросту невозможно. Обвинения в безответственности очень часто сами по себе крайне пристрастны (а политика, часто осуждаемая за безответственность, почти всегда идет на пользу самым обездоленным)¹⁰.

¹⁰ Неолиберальная политика и популизм как логика политических притязаний могут отлично уживаться друг с другом. См.: *Weyland K. Neopopulism and Neoliberalism in Latin America: Unexpected Affinities // Studies in Comparative Inter-*

Что такое популизм?

Как бы то ни было, обсуждение в политическом контексте вопроса об «ответственности/безответственности» предполагает вопрос о том, как следует понимать эту «ответственность», в соотношении с какими ценностями и задачами?¹¹ Возьмем самый очевидный пример: соглашения о свободной торговле могут считаться разумными и ответственными с точки зрения максимального увеличения совокупного ВВП, но при этом иметь распределительные последствия, которые могут показаться неприемлемыми в свете других ценностей. Тогда дебаты должны вращаться вокруг ценностей общества в целом или, возможно, вокруг другого способа распределения доходов в соответствии с другими экономическими теориями. Подчеркивание различий между популизмом и ответственной политикой только затуманивает по-настоящему важные вопросы и может оказаться очень удобным способом дискредитации критики текущего политического курса.

Попытки сфокусироваться на определенных социально-экономических группах, на которые якобы опираются популисты, также никуда не приводят. Как показали многочисленные исследования, такие теории не имеют под собой реального основания¹². Подобный аргумент часто является результатом весьма сомнительных допущений, вытекающих из теории модернизации. Действительно, во многих случаях избиратели, поддерживающие то, что можно назвать популистскими партиями, схожи между собой по уровню дохода и образования; особенно это справедливо в отношении

national Development. 1996. Vol. 31. P. 3–31; *Rovira Kaltwasser C. From Right Populism in the 1990s to Left Populism in the 2000s — And Back Again? // The Resilience of the Latin American Right / J.P. Luna, C. Rovira Kaltwasser (eds). Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. P. 143–166.*

¹¹ Вопрос, которым немедленно задался бы всякий прилежный и *ответственный* читатель Макса Вебера.

¹² *Priester K. Rechter und linker Populismus: Annäherung an ein Chamäleon. Frankfurt a/M.: Campus, 2012. P. 17.*

Европы, где те, кто голосует за популистские партии правого толка, как их принято называть, имеют меньший доход и менее образованны. (Среди них также подавляющее большинство составляют мужчины — как в Европе, так и в США, но не в Латинской Америке¹³.) Но эта картина отнюдь не повсеместна. Как показала немецкий социолог Карин Пристер, экономически преуспевающие граждане часто демонстрируют социал-дарвинистский подход, оправдывая свою поддержку правых партий следующим соображением: «Я же смог этого добиться — а они почему не могут?» (Вспомним плакат «Чайной партии»: «Перераспределите лучше трудовую этику!»¹⁴) В таких странах, как Франция и Австрия, популистские партии завоевали такую поддержку не в последнюю очередь потому, что весьма успешно воспроизводят принцип так называемых всеохватных партий: они привлекают большое число рабочих, но у них есть избиратели и из других слоев общества.

Многочисленные опросы показывают, что индивидуальное социально-экономическое положение и поддержка правых популистских партий часто вообще никак не соотносятся между собой, потому что поддержка правых популистов обычно вытекает из гораздо более общих соображений респондента по поводу ситуации в стране в целом¹⁵. Неверно сводить представления о национальном упадке или угрозе («Элиты отнимают у нас нашу собственную страну!») к личным

¹³ По поводу этого «гендерного разрыва» см.: *Mudde C., Rovira Kaltwasser C. Populism // The Oxford Handbook of Political Ideologies / M. Freeden et al. (eds). N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 493–512.*

¹⁴ *Williamson V., Skocpol T., Coggin J. The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism // Perspectives on Politics. 2011. Vol. 9. P. 33.*

¹⁵ *Elchardus M., Spruyt B. Populism, Persistent Republicanism and Declinism: An Empirical Analysis of Populism as a Thin Ideology // Government and Opposition. 2016. Vol. 51. P. 111–133.*

страхам или «тревоге по поводу социального статуса». Многие сторонники популистских партий гордятся тем, что имеют собственное мнение (и даже проводят собственные изыскания) по поводу политической ситуации, и отвергают идею о том, что их взгляды связаны с их личной ситуацией или обусловлены личными эмоциями¹⁶.

Нужно с большой осторожностью относиться к таким нагруженным терминам, как «фрустрация», «гнев» и особенно «ресентимент», которые якобы объясняют популизм. На то есть по меньшей мере две причины. Прежде всего, хотя наблюдатели, употребляющие слово «ресентимент», возможно, в тот момент и не держат в голове Ницше с его «Генеалогией морали», тем не менее избежать соответствующих ассоциаций практически невозможно. Таким образом, получается, что те, кто испытывает чувство ресентимента, по определению слабы; хотя у Ницше ресентимент может подвигнуть охваченных им людей на творческую инициативу: умнейшие среди слабых побеждают сильных, преобразовывая иерархию человеческих ценностей. Тем не менее те, кого гложет обида и зависть, воспринимаются как люди с низменными устремлениями и *реакционеры* по складу характера¹⁷. Они завидуют сильным и копят внутри себя эту неприязнь; таким образом, их отношение к сильным определяет их самовосприятие на самом глубоком уровне, поскольку они на самом деле мечтают о признании со стороны высших. В этом смысле завистники органически неспособны на автономное, независимое поведение. Они постоянно лгут себе по поводу своего реального положения, даже если

¹⁶ Kemmers R., van der Waal J., Aupers S. Becoming Politically Discontented: Anti-Establishment Careers of Dutch Nonvoters and PVV Voters // *Current Sociology*. 2015. Vol 64. No. 5. P. 757–774.

¹⁷ Тут можно заметить, что невозможно гневаться и таить обиду в одно и то же время: гнев тут же выходит наружу, в то время как обида и жажда мести «нагнаиваются» и постепенно разрастаются.

сами не могут до конца поверить в собственную ложь. Как выразился Макс Шелер, яд resentment медленно разъедает души людей¹⁸.

Может, кто-то и вправду думает, что именно так дело обстоит с теми, кто носит бейсболки с надписью «Сделаем Америку снова великой». Или что за популистские партии голосуют исключительно авторитарные личности или, как говорят социальные психологи, личности с «низким уровнем доброжелательности»¹⁹. Но у таких психологизирующих диагнозов — губительные политические последствия: они только укрепляют людей в их мнении относительно «либеральных элит» — что они не просто невыносимо высокомерны, но еще и откровенно не дотягивают до собственных демократических идеалов, поскольку, вместо того чтобы прислушаться к мнению простых людей, прописывают лечение боязливым и завистливым гражданам, назначая им политическую терапию. Факт в том, что «гнев» и «фрустрация» не всегда отчетливо выражены, кроме того, это не «просто эмоции», в том смысле, что их нельзя полностью отделить от мыслительного процесса. У гнева и фрустрации всегда есть *причины*, которые многие вполне способны так или

¹⁸ Scheler M. *Ressentiment* / L.A. Coser (ed.), W.W. Holdheim (transl.). N.Y.: Free Press, 1961 (рус. изд.: Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука; Университетская книга, 1999).

¹⁹ Bakker B.N., Rooduijn M., Schumacher G. The Psychological Roots of Populist Voting: Evidence from the United States, the Netherlands and Germany // *European Journal of Political Research*. 2016. Vol. 55. P. 302–320. Авторы этого исследования без тени сомнений заключают: «Популисты вроде Марин Ле Пен, Герта Вилдерса, Сары Пэйлин и Найджела Фараджа овладели искусством привлекать на свою сторону избирателей с низким уровнем доброжелательности, неуживчивым характером. Это как раз то, что объединяет их *поверх* различных политических контекстов и ситуаций; и то, что отделяет их от существующих партий *внутри* данного политического контекста; и то, что лежит в основе их, по-видимому, неожиданного успеха» (p. 317).

иначе сформулировать²⁰. Я не хочу сказать, что все эти причины разумны и обоснованны и что их всегда нужно принимать за чистую монету. Чувство несправедливости или ощущение, что «у нас отняли страну», разумеется, само по себе не является оправданием. Но смещать дискуссию в сторону социальной психологии (в попытке рассматривать рассерженных и разочарованных граждан как потенциальных пациентов политического санатория) — значит пренебрегать базовой демократической обязанностью логического мышления. Здесь наши просвещенные либералы, похоже, воспроизводят жест исключения, свойственный их прославленным предшественникам в XIX в., которые весьма скептически относились к возможности поделиться своими властными полномочиями, полагая, что массы «слишком эмоциональны», чтобы быть способными к разумному голосованию.

Даже если считать, что ничто не должно мешать элитам критиковать ценностные ориентиры простых граждан, все равно довольно странно валить политические убеждения в одну кучу с социально-экономическим положением и психологическим состоянием тех, кто эти убеждения разделяет. Это все равно что сказать: суть социал-демократии в том, что ее сторонники — это рабочий народ, завидующий богатым людям. Представление о том, кто такие сторонники популизма, конечно, имеет важное значение для понимания этого явления. Но попытка объяснить этот сложный феномен как сумбурное политическое высказывание «неудачников, проигравших в процессе модернизации» — это не просто высокомерие. Это еще и никакое не объяснение.

Тогда почему же мы так часто к нему прибегаем? Потому что сознательно или бессознательно мы продолжаем исходить из допущений, вытекающих из теории

²⁰ О «когнитивных antecedентах» эмоций см.: *Elster J. Alchemies of the Mind: Rationality and the Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

модернизации, которая пережила свой расцвет в 1950–1960-х. Этим грешат даже те политологи и социологи, которые, если задать им вопрос в лоб, непременно ответят, что теория модернизации давно и полностью себя изжила. Именно либеральные интеллектуалы, такие как Дэниел Бэлл, Эдвард Шилз и Сеймур Мартин Липсет (все они — последователи Макса Вебера), в 1950-е годы стали описывать то, что они считали «популизмом», как беспомощное выражение тревог и гнева тех, кто мечтал о простой «досовременной» (*premodern*) жизни, как «в старые добрые времена»²¹. Так, Липсет утверждал, что популизм привлекателен для «выбитых из колеи, раздраженных и психологически бездомных, потерпевших личные неудачи, социально изолированных, лишенных ощущения экономической безопасности, малообразованных, простодушных и авторитарных личностей»²². Непосредственными мишенями для критики со стороны этих социологов были маккартизм и Общество Джона Бёрча, но их диагноз часто распространялся на случаи реального популистского бунта в Америке конца XIX в. Так, Виктор Феркисс считал последователей Фермерского альянса и Народной партии предтечами американской разновидности фашизма²³. Это утверждение было оспорено, но связанные с ним допущения не потеряли своей актуальности для многих современных экспертов в области социально-политических процессов²⁴.

²¹ Из этого, впрочем, не следует, что всякого, кого сейчас критикуют за «популизм», следует считать настоящим радикальным демократом, как, похоже, думает Марко Д'Эрамо. См.: *D'Eramo M. Populism and the New Oligarchy // New Left Review. July–August. 2013. No. 82. P. 5–28.*

²² *Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Garden City, NY: Doubleday, 1963. P. 178* (рус. изд.: *Липсет С.М. Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016. С. 211*).

²³ *Ferkiss V.C. Populist Influences on American Fascism // The Western Political Quarterly. 1957. Vol. 10. P. 352.*

²⁴ Попытка выйти за рамки слишком упрощающего положение дел диагноза рессентимента в случае с «Чайной парти-

Наконец, существует идея о том, что популизм должен как-то быть связан с теми, кто впервые назвал себя популистами. Вспомним русских народников конца XIX в. и идеологию народничества, которое обычно переводится как «популизм». Народники были интеллектуалами, идеализировавшими русских крестьян и рассматривавшими деревенскую общину как политическую модель для страны в целом. В качестве политического руководства к действию они предлагали «хождение в народ». (Как многие городские интеллектуалы, они обнаружили, что «народ» отнюдь не приветствовал их так, как они надеялись, и не принял политических рекомендаций, которые интеллектуалы извлекли из якобы «подлинной, чистой жизни» народа.)

С точки зрения многих исследователей, непременно должна быть какая-то причина, объясняющая, почему «популизм» возник одновременно в России и в США в конце XIX в. То обстоятельство, что оба этих движения имели какое-то отношение к фермерам и крестьянам, породило представление (доминировавшее по меньшей мере до конца 1970-х) о том, что популизм тесно связан с аграрианизмом и что это был бунт реакционных, экономически отсталых групп в стремительно модернизирующихся обществах.

В наши дни такие ассоциации почти полностью утрачены, но история происхождения «популизма» в США все еще наводит многих обозревателей на мысль, что популизм по крайней мере на каком-то уровне должен быть «популярным», «народным», т.е. соответствовать чаяниям самых социально неприспособленных и возвращать в политический процесс тех, кто из него исключен. Это ощущение усиливается благодаря наблюдениям за тем, что происходит в Латинской Америке, где сторонники популизма всегда

ей» представлена в: *Disch L. The Tea Party: A "White Citizenship Movement?" // Steep: The Precipitous Rise of the Tea Party / L. Rosenthal, C. Trost (eds). Berkeley: University of California Press, 2012. P. 133–151.*

подчеркивали его инклюзивный и эмансипационный характер в условиях экономического неравенства, которое на этом континенте выражено ярче, чем где бы то ни было на земном шаре.

Понятно, что такие ассоциации не отменишь одним росчерком пера: исторический язык складывается так, как он складывается, и, как учит нас Ницше, четкое определение можно дать только тому, что не имеет истории. Но политическая и социальная теория не может основываться на одном конкретном историческом явлении, когда, например, всякая форма популизма тут же втискивается в шаблон, заданный американской Народной партией²⁵. Мы должны допустить возможность, что корректное и непредвзятое исследование природы популизма в результате покажет, что ряд исторических движений и акторов, открыто называвших себя популистами, следует исключить из этого анализа. Лишь очень немногие историки (и политологи, в той мере, в какой их интересуют такого рода исторические явления) решатся утверждать, что правильное понимание природы социализма требует включить в это явление национал-социализм, на том основании, что нацисты называли себя социалистами. Но чтобы определить, какой исторический опыт соответствует тому или иному «-изму», мы, конечно же, должны располагать теорией данного «-изма». Так что же такое популизм?

ЛОГИКА ПОПУЛИЗМА

Я предлагаю следующее определение: популизм — это особое *моралистическое воображение политики*, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту и внутреннюю однородность (далее я покажу, что это абсолютная

²⁵ *Dubiel H. Das Gespenst des Populismus // Populismus und Aufklärung / H. Dubiel (ed.). Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1986. P. 35.*

фикция) народа, который противопоставляется коррумпированным и морально деградировавшим элитам²⁶. Критика элит — необходимое, но не достаточное условие, чтобы считаться популистом. В противном случае всякий, кто критикует власть имущих и текущее положение дел в том или ином государстве, по определению был бы популистом. Помимо того что популисты выступают против элит, они также противники плюрализма: популисты утверждают, что они — *и только они* — являются истинными представителями народа²⁷. Их политические соперники всего лишь часть безнравственной, развращенной элиты. Во всяком случае, так популисты утверждают, пока они сами еще не во власти; оказавшись у кормила, они не признают никакой законной оппозиции. Главное утверждение популистов состоит в том, что тот, кто не поддерживает популистскую партию, не является частью истинного народа. Как говорил французский философ Клод Лефор, сначала нужно «извлечь» истинный народ из общей массы реальных граждан²⁸. Этот идеальный народ наделяется нравственной чистотой и непогрешимой волей. Популизм возникает с появлением представительной демократии: это ее тень. Популисты жаждут того, что

²⁶ Как я покажу дальше, популисты не выступают против принципа представительства; поэтому я не могу согласиться с теми, кто противопоставляет «популистскую демократию» «репрезентативной демократии», см., например, во всех прочих отношениях превосходную статью: *Abts K., Rumtens S. Populism versus Democracy // Political Studies. 2007. Vol. 55. P. 405–424.*

²⁷ Существует ряд эмпирических подтверждений тому, что люди, голосующие за популистские партии, разделяют отчужденно нетолерантные и антиплюралистские убеждения. См.: *Akkerman A., Mudde C., Zaslove A. How Populist Are the People? Measuring Populist Attitudes in Voters // Comparative Political Studies. 2013. P. 1–30.*

²⁸ *Lefort C. Democracy and Political Theory / D. Macey (transl.) Cambridge, UK: Polity, 1988. P. 79* (рус. изд.: *Лефор К. Политические очерки (XIX–XX века). М.: РОССПЭН, 2000. С. 106).*

политолог Нэнси Розенблум называет «холизм»: представление о том, что в политическом устройстве не должно быть раскола и что народ может быть единым целым, у которого есть единый истинный представитель²⁹. Таким образом, базовая идея популизма — это морализированная форма антиплюрализма. Политические акторы, не приверженные этой идее, не могут считаться популистами³⁰. Популизм использует аргумент *pars pro toto*, «часть вместо целого», и претендует на исключительное представительство: и то и другое понимается в моральном, т.е. не эмпирическом смысле слова³¹. Иными словами, не бывает популизма без обращения от имени народа как целого. Вспомним печально знаменитую речь Джорджа Уоллеса при вступлении в должность губернатора Алабамы: «От имени величайшего народа, когда-либо ступавшего по Земле, я провожу черту в пыли и бросаю перчатку под ноги тирании... и я заявляю... сегрегация сегодня... сегрегация завтра... сегрегация навеки»³². Сегрегация не продлилась вечно, зато навеки была испорчена репутация Уоллеса из-за очевидного расизма. Риторика, которая изобличает в Уоллесе популиста, строится вокруг притязания на исключительное право говорить «от имени величайшего народа, когда-либо ступавшего по Земле». Что именно давало губернатору Алабамы право говорить от лица всех американцев — за исключением, разумеется, сторонников «тирании»,

²⁹ Rosenblum N.L. *On the Side of the Angels: An Appreciation of Parties and Partisanship*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008.

³⁰ См. также: Vann Woodward C. *The Populist Heritage and the Intellectual // The American Scholar*. 1959–1960. Vol. 29. P. 55–72.

³¹ Arato A. *Political Theology and Populism // Social Research*. 2013. Vol. 80. P. 143–172.

³² The Inaugural Address of Governor George C. Wallace. January 14, 1963. Montgomery, Alabama. <<http://digital.archives.alabama.gov/cdm/ref/collection/voices/id/2952>> (дата обращения 28.04.2016).

под которой имелись в виду администрация Кеннеди и все, кто добивался того, чтобы положить конец сегрегации? И что давало ему право утверждать, что «настоящая Америка» — это то, что он называл «великим англосаксонским Югом»?³³ Очевидно, все хорошее и подлинное в Соединенных Штатах было связано с Югом, судя по речи Уоллеса: «И вы, сыны и дочери старинного неколебимого, как скала, патриотизма Новой Англии... и вы, отважные уроженцы великого Среднего Запада... и вы, потомки пионеров Дальнего Запада, чей дух пылал свободой... мы приглашаем вас присоединиться к нам... потому что вам близок образ мыслей южан... дух южан... философия южан... вы — тоже южане и наши братья по борьбе». К концу речи Уоллес договорился до того, что все отцы-основатели фактически были южанами³⁴.

Это и есть главное утверждение популистов: только отдельные представители народа являются подлинным народом. Вспомним, как Найджел Фарадж приветствовал голосование по Брекситу, заявив, что это «победа подлинного народа» (таким образом, как бы отказав в подлинности 48% британского электората, проголосовавшим против выхода Великобритании из ЕС, — или, иными словами, поставив под сомнение их статус полноправных членов политического сообщества). Сюда же относится и реплика Дональда Трампа, которая осталась практически незамеченной на фоне других возмутительных и глубоко оскорбительных высказываний, так и сыпавшихся из уст нью-

³³ Уоллес откровенно приравнял Соединенные Штаты к «Югу»: «Услышите меня, южане! Сыновья и дочери Юга, двинувшиеся на север и на запад, <...> с вашей родной земли мы призываем вас присоединиться к нам и поддержать нас всюду в этой стране... и мы знаем... что, где бы вы ни были... вдали от самого сердца Юга... вы откликнетесь на наш призыв, ведь, пусть вы и живете в самых отдаленных уголках нашей бескрайней страны, <...> ваше сердце никогда не покидало Диксилэнда» (The Inaugural Address of Governor...).

³⁴ Ibid.

йоркского миллиардера. На предвыборном митинге в мае Трамп заявил, что «единственное, что важно, — это объединение народа, потому что другие люди ничего не значат»³⁵.

Со времен древних греков и римлян слово «народ» использовалось по меньшей мере в трех смыслах: во-первых, народ как целое (т.е. все члены политики или того, что раньше называли «политическим телом»); во-вторых, «простые люди» (часть *res publica*, состоящая из простолюдинов — т.е., выражаясь современным языком, из обездоленных, бесправных, исключенных, забытых); в-третьих, нация как целое, понимаемое в культурном смысле слова³⁶.

Совершенно некорректно утверждать, что всякая апелляция к «народу» должна расцениваться как популизм. Идеализация народа (Бакунин писал: «Народ — единственный источник нравственной правды... и я имею в виду отбросы, отребье, не испорченное буржуазной цивилизацией») не обязательно связана с популизмом, хотя русские народники конца XIX в. именно так его и понимали. Отстаивание прав «простого народа», или тех, кто исключен, даже если оно сопряжено с открытой критикой элит, также не является безусловным критерием популизма. Политик-популист или популистское движение должны, прежде всего, заявлять о том, что какая-то *часть* народа *и есть* народ — и что только это движение или политический деятель способны выявить истинный народ и быть единственным выразителем его интересов. Отстаивание интересов *плебса* (если воспользоваться политической терминологией Древнего Рима), «простого народа», — это *не* популизм, но утверждение, что только плебс (противопоставляемый патрициям, не говоря

³⁵ Я выражаю благодарность Дэймону Линкеру, подсказавшему мне эту цитату. См.: CBS Weekend News // Internet Archive. May 7. 2016. <https://archive.org/details/KPIX_20160508_003000_CBS_Weekend_News#start/540/end/600>.

³⁶ *Canovan M.* The People. Cambridge, UK: Polity, 2005.

Что такое популизм?

уже о рабах) является истинным *populus Romanus* и что подлинными представителями этого истинного народа являются только *популяры*, — вот *это* уже популизм. Точно так же дело обстояло и в маккиавеллиевской Флоренции: отстаивать права *popolo* в борьбе с *grandi* — это еще само по себе не популизм, но заявлять, что всем *grandi*, вне зависимости от того, что они говорят или делают, не место во Флоренции, — *это* популизм.

Популисты часто осмысливают политическую нравственность в терминах труда и коррупции. По этой причине некоторые специалисты склонны ассоциировать популизм с идеологией «продюсеризма»³⁷. Популисты противопоставляют нравственно безупречных, невинных и честных тружеников коррумпированной элите, которая толком и не работает (разве что в целях продвижения своих корыстных интересов), а популисты правого толка противопоставляют тружеников еще и подонкам общества (тем, кто тоже на самом деле не работает, а только паразитирует на труде других людей). В американской истории, например, сторонники Эндрю Джексона противостояли как «аристократам» из верхушки общества, так и коренным американцам и рабам, т.е. самым низам общества³⁸. Популисты правого толка, как правило, стремятся изобличить симбиотические отношения, существующие между элитой, которая оторвана от народа, и маргинальными группами, которые тоже сильно отличаются от народа. В Америке XX в. эти группы обычно отождествлялись с либеральными элитами, с одной стороны, и расовыми меньшинствами — с другой. Эта логика, доведенная до абсурда, выявилась в

³⁷ Продюсеризм не может быть чисто экономическим понятием — это моральный концепт, придающий особую ценность производителям. Яркий пример — политическое мышление Жоржа Сореля.

³⁸ Kazin M. The Populist Persuasion: An American History. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998.

связи с полемикой вокруг свидетельства о рождении Барака Обамы: президент в глазах правых популистов оказался одновременно и представителем «элиты с побережий», и афроамериканским Другим, т.е. он ни с какой точки зрения не принадлежал к истинному американскому народу. Этим объясняется исключительное помешательство «рожденцев» на том, чтобы доказать, что Обама не только символически *нелегитимный* президент, но и в буквальном смысле *нелегал*, т.е. человек «неамериканского» происхождения, который обманом узурпировал высший пост в государстве. (Это помешательство оставило далеко позади даже нападки «правых» в 1990-х, когда они именовали Билла Клинтона не иначе как «ваш президент», — хотя стремление подчеркнуть фундаментальную нелегитимность главы исполнительной власти по сути своей было таким же³⁹.) Можно также вспомнить о посткоммунистических элитах и этнических группах, таких как цыгане, в Центральной и Восточной Европе, или о «коммунистах» и нелегальных иммигрантах (в дискурсе Сильвио Берлускони) в Италии. В первом случае либеральные посткоммунистические элиты не признавались частью народа, поскольку вступили в сговор с внешними силами вроде Евросоюза и исповедовали убеждения, чуждые Родине, ну а цыгане, самое обездоленное меньшинство в Европе, вообще никогда не имели никакого отношения к народу. Так, популистская партия правого толка «Йоббик» в Венгрии всегда проводит аналогии между «преступлениями политиков» и «преступлениями цыган»⁴⁰.

³⁹ Мы теперь располагаем обширной академической литературой, посвященной значению понятия «прирожденный гражданин». См., например: *Clement P., Katyal N. On the Meaning of "Natural Born Citizen" // Harvard Law Review. March 11, 2016.* <<http://harvardlawreview.org/2015/03/on-the-meaning-of-natural-born-citizen>>.

⁴⁰ Приношу свою благодарность Ивану Крастеву и Шолту Эниеди.

Что такое популизм?

Моралистическая концепция власти, продвигаемая популистами, должна, разумеется, опираться на некий критерий, позволяющий проводить различия между нравственным и безнравственным, безупречностью и развращенностью, между людьми, которые, как сказал бы Трамп, имеют значение и теми, кто «ничего не значит». Но этот водораздел не обязательно пролегает между трудом и его противоположностью. Если с «трудом» возникают какие-то сложности, под рукой всегда есть этнические маркеры. (Конечно, в расистском дискурсе между расой и ленью часто ставится знак равенства, как бы само собой разумеющийся: всякий же знает, что «королевы пособий» белыми не бывают.) И все же ошибкой было бы полагать, что популизм всегда оказывается формой национализма или этнического шовинизма. Есть множество других способов проводить различия между нравственным и безнравственным. Главное, чтобы всегда имел место *некий* признак, который отличает нравственно безупречных людей от их оппонентов. Это представление о существовании подлинного благородного народа отличает популистов от других политиков, которых также можно назвать антиплюралистами. Например, ленинисты или религиозные деятели, отличающиеся высокой нетерпимостью, не считают народ нравственно безупречным и непогрешимым в своей воле. Не всякий, кто выступает против плюрализма, автоматически оказывается популистом.

ТАК КОГО ЖЕ, ПО ИХ УТВЕРЖДЕНИЮ, ПРЕДСТАВЛЯЮТ ПОПУЛИСТЫ?

Вопреки распространенному мнению, популисты не выступают против представительства как такового. Скорее, они отстаивают его специфическую версию. Идея представительства вполне устраивает популистов, пока правильные представители представляют правильный народ, принимая правильные решения и делая правильные вещи.

Популистам нужно не только установить, кто именно принадлежит к истинному народу, но и каким-то образом сформулировать потребности и желания этого истинного народа. Обычно они выдвигают идею о том, что существует единственное всеобщее благо, которое народ ясно понимает и желает обрести, и что есть политик или партия (или, что менее вероятно, движение), которые способны обеспечить политический курс, гарантирующий обретение этого блага⁴¹. В этом смысле, как показали Кас Мюдде и Кристоаль Ровира Кальтвассер в ключевой работе, посвященной практическим случаям популизма, в популистском дискурсе всегда есть что-то «руссоистское», хотя, разумеется, между популизмом и демократической мыслью Руссо существуют важные различия, о чем я буду говорить ниже⁴². Кроме того, акцент на единственном всеобщем благе, которое доступно пониманию на уровне «здравого смысла» и может быть отчетливо артикулировано в качестве единственно верного политического курса, совпадающего с волей народа, отчасти объясняет тот факт, почему популизм часто ассоциируется с чрезмерным упрощением политических задач⁴³. Так, например, венгерский популистский лидер правого толка Виктор Орбан не принимал уча-

⁴¹ Здесь популисты внезапно оказываются чуть ли не выразителями и защитниками эпистемологических оснований демократии.

⁴² *Mudde C., Rovira Kaltwasser C. Populism. P. 493–512.*

⁴³ Пьер Розанваллон утверждает, что популизм подразумевает тройное упрощение: во-первых, политико-социологическое — единый, внутренне целостный народ *versus* развращенные элиты; во-вторых, процедурное и институциональное упрощение, направленное против неупорядоченного мира международных сил и влияний; в-третьих, упрощение понятия социальной связи, которая сводится к однородной идентичности. См.: *Rosanvallon P. Penser le populisme // La Vie des idées. September 27. 2011. <<http://www.laviedesidees.fr/Penser-le-populisme.html>>* (дата обращения 18.02.2016).

Что такое популизм?

ствия в дебатах перед выборами 2010 и 2014 гг. (одержав победу в обоих случаях). Свой отказ участвовать в дебатах он объяснил так:

Сейчас не нужны никакие дебаты по поводу политических тонкостей, альтернатива им совершенно очевидна. <...> Вы наверняка видели, что происходит, когда дерево падает на дорогу и вокруг собирается множество людей. Эти люди обычно делятся на два типа. У одних есть гениальные идеи по поводу того, каким способом можно убрать дерево с дороги. Они делятся с другими своими потрясающими теориями и раздают советы. Другие же видят, что самое лучшее — это просто начать оттаскивать дерево с дороги... Нам необходимо осознать, что для возрождения экономики нам не теории нужны, а тридцать крепких парней, которые начнут воплощать в жизнь все то, что, как мы знаем, нужно сделать⁴⁴.

Мы видим, что Орбан отождествляет правильную политику со здравым смыслом, очевидным всякому. Совершенно понятно, что именно нужно делать: не нужно никаких дебатов о ценностях, никакой предварительной взвешенной оценки имеющихся эмпирических данных.

Хотя вообще-то нужно. Мы уже видели, что для популистов не существует такой вещи, как законное справедливое соревнование во время предвыборной гонки; отсюда такие лозунги, как *Abbasso tutti!* («Долой их всех!»), *¡Que se vayan todos!* («Пусть катятся куда подальше!»), *Qu'ils s'en aillent tous!* («Пусть убираются!»), или же мероприятия Беппе Грилло под названием «дни V» («V» значит *vaffanculo*, «иди в задницу»). А когда они приходят к власти, для них не существует законной оппозиции. Но если популисты и впрямь — единственные законные представители народа, то как

⁴⁴ Цит. по: *Enyedi Zs. Plebeians, Citoyens and Aristocrats, or Where Is the Bottom of the Bottom-up? The Case of Hungary // European Populism in the Shadow of the Great Recession / H. Kriesi, T.S. Pappas (eds). Colchester, UK: ECPR Press, 2015. P. 239–240.*

вышло, что они не повсюду у власти? И как можно выступать против них, когда они у власти? И вот здесь в игру вступает ключевой аспект представлений популистов о том, что такое политическое представительство: может показаться, что они отстаивают идею демократического представительства народной воли, но на самом деле это представительство «истинного народа» носит для них не более чем *символический* характер (например, «истинные американцы», излюбленный термин Джорджа Уоллеса). «Народ» для них — это вымышленная конструкция, вынесенная за рамки демократических процедур, однородное и нравственно сплоченное единство, чья предполагаемая воля будет разыгрываться в качестве козырной карты, которая должна побить реальные результаты демократических выборов. Не случайно знаменитая (или печально знаменитая) идея Ричарда Никсона о «молчаливом большинстве» всегда пользовалась огромным успехом у популистов: если большинство не было бы молчаливым, оно уже давно имело бы правительство, которое по-настоящему представляло бы его интересы⁴⁵. Если популист не набирает достаточное количество голосов избирателей, это не потому, что он или она не являются представителями народа, а потому, что большинство не набралось пока смелости высказаться. Пока они находятся в оппозиции, популисты всегда будут ссылаться на некий неинституционализированный народ «где-то там». Это такая экзистенциальная оппозиция по отношению к тем, чья власть была признана в ходе реальных выборов или просто по результатам опросов, которые, по мнению популистов, не отражают истинной народной воли.

⁴⁵ Как отмечает Джил Лепор, этот термин когда-то был эвфемистическим названием мертвых, пока Никсон не использовал его для обозначения большинства, которое предположительно поддерживало войну во Вьетнаме. См.: *Lepore J. The Whites of Their Eyes: The Tea Party's Revolution and the Battle over American History*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010. P. 4–5.

Подобное представление о «народе» вне любых политических форм и структур во многом возникло под влиянием идей Карла Шмитта, юриста и политического теоретика правого толка межвоенного периода. Его работы, наряду с трудами фашистского философа Джованни Джентиле, послужили концептуальным мостом между демократией и недемократией: оба теоретика утверждали, что фашизм способен воплотить демократические идеалы в жизнь в гораздо большей мере, чем сама демократия⁴⁶. Оппонент Шмитта, австрийский юрист (и теоретик демократии) Ганс Кельзен утверждал, что воля парламента — это не народная воля и что в действительности эту народную волю как нечто непротиворечивое и однозначное вообще невозможно уловить. Единственное, с чем мы можем иметь дело, — это результаты выборов, а все остальное, согласно Кельзену (и в особенности некое органическое единство под названием «народ», чьи интересы ставятся превыше интересов отдельных партий), — более чем «метаполитические иллюзии»⁴⁷.

Термин «иллюзии» вполне оправдан. Народ невозможно распознать в его целостности и быть представителем этой целостности: хотя бы потому, что народ никогда не бывает неизменным — одни граждане умирают, другие рождаются. Но всегда существует большой соблазн говорить от лица народа, который ты якобы понимаешь⁴⁸. Робеспьер упростил себе за-

⁴⁶ См., например: *Gentile G. The Philosophic Basis of Fascism // Foreign Affairs. 1927–1928. Vol. 6. P. 290–304.*

⁴⁷ *Kelsen H. Vom Wesen und Wert der Demokratie. Aalen: Scientia, 1981 (1929; repr.). P. 22.* Кельсен также приходит к выводу, что современная демократия неизбежно должна быть демократией партийной.

⁴⁸ Символический образ народа, предлагаемый популистами, не так уж и нов. Средневековый мыслитель Бальдус придерживался концепции, аналогичной теории о двух телах короля, согласно которой народ представлен в двух ипостасях: народ в его повседневном, эмпирическом, изменчивом состоянии как группа индивидов — и народ как вечный

дachu, заявив, что он и есть народ (вполне в логике королей, свергнутых Французской революцией). Очень показательно, что французские революционеры так и не сумели найти подходящую форму символического воплощения принципа народовластия: народ не мог быть представлен в своей целостности, а отдельные символы, такие как фригийский колпак или Геракл, оказались не слишком убедительными. Жак-Луи Давид хотел воздвигнуть гигантскую статую «народа» на Пон-Нёф: основание ее он собирался отлить из обломков памятников королям, а на бронзу для статуи должны были пойти расплавленные пушки «врагов народа». (Его замысел получил одобрение, но дело ограничилось только изготовлением модели.) Суве-

populus в качестве *corpus mysticum*. См.: Kantorowicz E.H. *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997 (1957; repr.). P. 209 (рус. изд.: Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 307). *Corpus mysticum* обладал особым корпоративным характером, обозначая воображаемое (или юридическое) коллективное лицо; поэтому этот термин употребляли в качестве синонима к таким понятиям, как *corpus fictum*, *corpus imaginatum* и *corpus repraesentatum*. Так же, как политическое тело короля отличалось от его естественного тела, политическое тело народа (то, что Бальдус называл *hominum collectio in unum corpus mysticum*) следует отличать от народа, представленного и опосредованного в институтах. Подобно тому как оппонентам Карла I не казалось парадоксальным «сражаться с королем, чтобы защитить короля», так и популистам кажется закономерным бороться с избранными демократическим путем элитами, чтобы защитить истинный народ и таким образом — демократию. Идея двух тел короля живет и побеждает, когда сторонник Чавеса объясняет: «Говорить нам, чавистам, что Чавес умер, — это все равно что говорить христианам, что Христос умер». См.: Moses C. *Bildersturm in Caracas* // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, January 8. 2016. <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/amerika/venezuela-bildersturm-in-caracas-14004250-p2.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2> (дата обращения 15.01.2016).

ренный народ, этот, как предполагалось, важнейший актер революции, стал своего рода «французским Яхве», т.е. абсолютно невыразимой сущностью. (Показывать можно было только слова: во время революционных праздников носили знамена с цитатами из «Общественного договора» Руссо⁴⁹.)

Теперь мы подошли к тому, чтобы прояснить главные различия между популистской идеей представительства и общественной воли у Руссо. Воплощение последней требует реального участия граждан; популисты же вещают об истинной воле народа, исходя, например, из своих представлений о том, что такое быть «настоящим американцем». Больше *Volksgeist*, чем *volonté générale*, — вот концепция демократии, в которой все решает не численность реальных участников, а «сущность», «дух», или, если начистоту, «истинная идентичность». То, что первоначально выглядело как притязания популистов быть истинными представителями народной воли, на поверку оказалось притязаниями на то, чтобы представлять некую символическую сущность.

На это можно возразить: но ведь популисты часто требуют больше референдумов! Да. Но надо четко понимать, что такое референдум в представлении популистов. Они не хотят, чтобы люди постоянно участвовали в политическом процессе. Референдум проводится

⁴⁹ *Rosanvallon P. Revolutionary Democracy // Rosanvallon P. Democracy Past and Future / S. Moyn (ed.). N.Y.: Columbia University Press, 2006. P. 79–82.* Джон Квинси Адамс однажды заметил: «Демократия не воздвигает себе памятников, не выпускает медалей, не чеканит профилей на монетах. Иконостас ей свойственно по определению». Цит. по: *Frank J. The Living Image of the People // Theory & Event. 2015. Vol. 18. No. 1.* <<https://muse.jhu.edu/article/566086>>. На самом деле в додемократические времена статуи демократии все же воздвигались, часто в простой одежде и со змеями в руках (символ того, что народ приближен к земле — а так же, надо полагать, потенциально ядовит). См.: *Politische Ikonographie: Ein Handbuch / U. Fleckner et al. (eds). Munich: C. H. Beck, 2011.*

не с целью запустить бессрочный дискуссионный процесс, в ходе которого граждане постепенно вырабатывают собственные взвешенные и продуманные решения; референдум — это инструмент ратификации того, что популистский лидер уже определил в качестве подлинных народных интересов, причем с точки зрения идентичности, принадлежности, а не с точки зрения агрегирования эмпирически верифицируемых интересов. Популизм без участия — в этом нет никакого внутреннего противоречия. На самом деле популистам даже не особенно надо быть противниками элит, если под антиэлитизмом подразумевать требование как можно более широкого распределения власти в обществе. Как уже говорилось, у популистов не возникает никаких проблем с представительством, если только представителями являются они сами; точно так же они не возражают против элит, если они сами и есть эти элиты, ведущие за собой народ. Поэтому наивно предполагать, что можно, например, отыграть очко у Трампа, указав на то, что он сам является представителем элит (хотя и не политической элиты в узком смысле слова); это же верно и в отношении европейских бизнесменов, перекавалифицировавшихся в политиков, таких как швейцарский популист Кристоф Блохер. Они знают, что они часть элиты, их сторонники тоже это знают; смысл в том, что они объявляют себя правильной элитой, которая не предаст народного доверия и будет честно и неукоснительно исполнять непреложную и ясно выраженную политическую волю народа.

Не случайно, что популисты во власти (о них я буду говорить в следующей главе) часто принимают на себя роль «опекуна» пассивного по сути своей народа. Возьмем правление Берлускони в Италии: идеальный сторонник Берлускони — тот, что удобно устроился дома на диване и смотрит телевизор (предпочтительно каналы, которыми владеет Берлускони), а государственные дела оставляет на усмотрение *Cavaliere*, который благополучно управляет страной, как огромной

корпорацией (ее еще иногда называли *azienda Italia*). А выходить на площади и принимать участие в политическом процессе не нужно. Или возьмем второе правительство Орбана в Венгрии, с 2010 г. и далее, которое создало якобы подлинно народную конституцию (после липового процесса «консультаций с народом» путем опросов), но не сочло необходимым провести эту конституцию через всеобщее голосование.

Теперь стало понятнее, почему популисты часто заключают «договоры» с «народом» (так поступила глубоко популистская швейцарская Народная партия, так же поступали Берлускони и Хайдер; можно также вспомнить «Договор с Америкой» Ньюта Гингрича)⁵⁰. Популисты исходят из предпосылки, что голос «народа» един и он оглашает некий императивный мандат, в котором содержатся четкие указания политикам, что именно им делать в правительстве (в отличие от свободного мандата, в соответствии с которым представители должны руководствоваться собственным суждением). Поэтому никакие дебаты тут не нужны, а тем более все эти нудные и бестолковые прения в Конгрессе и прочих национальных ассамблеях. Популисты — вот истинные выразители чаяний народа, которые уже разработали все пункты договора. Но дело в том, что пресловутый императивный мандат вовсе не исходит от народа: содержащиеся в нем указания основываются на интерпретации популистами «народной воли». Политологи давно уже твердят, что логически непротиворечивая, единая «народная воля» — это просто фантазия⁵¹ и что никто не может заявлять, как это делал Хуан Перон, что «политический лидер — это тот, кто знает, чего

⁵⁰ См., например, «договор с народом» Швейцарской народной партии: <<http://www.svp.ch/de/assets/File/positionen/vertrag/Vertrag.pdf>> (дата обращения 13.02.2015).

⁵¹ *Achen C.H., Bartels L.M.* Democracy for Realists: Why Elections Do Not Produce Responsive Government. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016.

хочет народ»⁵². Менее очевидно, что такая претензия на знание народной воли ослабляет демократическую подотчетность. Популисты всегда могут сказать народу: «Мы сделали все, как вы хотели, вы нас на это уполномочили, если что-то пойдет не так, это не наша вина». Свободный мандат, в отличие от императивного, возлагает бремя ответственности на представителей: им придется отчитаться за свои политические решения, когда подойдет время выборов. Популисты любят намекать, что свободный мандат — это не слишком демократический инструмент; на самом деле верно ровно обратное, и не случайно демократические конституции, в которых детально разработана концепция роли представителей, отдают предпочтение свободному, а не императивному мандату.

Бескомпромиссный, морализированный антиплюрализм и опора на неинституционализированное понятие «народа» объясняют, почему популисты так часто противопоставляют «морально правильный» исход голосования реальным эмпирически доказуемым результатам выборов, если последние прошли не в их пользу. Вспомним, как Виктор Орбан, проиграв на выборах 2002 г., заявил, что «нация не может быть в оппозиции»; или как Андрес Мануэль Лопес Обрадор, не сумев добиться в 2006 г. поста президента Мексики, утверждал, что «победа правых невозможна с нравственной точки зрения» (провозглашая себя «легитимным президентом Мексики»)⁵³; или патриотов из «Чайной партии», которые заявляли, что президент, собравший большинство голосов, «правит вопреки воле большинства»⁵⁴. А Герт Вилдерс назвал голландскую Палату представителей

⁵² Цит. по: *Diehl P.* The Populist Twist (в рукописи у автора).

⁵³ *Bruhn K.* “To Hell with Your Corrupt Institutions!”: AMLO and Populism in Mexico // *Populism in Europe and the Americas: Threat or Corrective for Democracy?* / C. Mudde, C. Rovira Kaltwasser (eds). N.Y.: Cambridge University Press, 2012. P. 88–112.

⁵⁴ *Meckler M., Martin J.B.* Tea Party Patriots: The Second American Revolution. N.Y.: Holt, 2012. P. 14.

Что такое популизм?

«липовым парламентом» с «липовыми политиками». И наконец, у нас еще есть Дональд Трамп, который на каждое поражение во время праймериз реагировал тем, что обвинял своих оппонентов в совершении подлога, а также называл всю систему в целом, в том числе Национальный съезд Республиканской партии, «мошеннической». Короче говоря, для популиста проблема никогда не бывает в его собственной неспособности выразить народную волю; всегда виноваты институты, которые выдают неправильные результаты. Эти институты только с виду такие демократические; на самом деле что-то происходит там за кулисами, где сидят продажные и лживые элиты, обманывающие народ. Так что теории заговора — это не просто дополнительный штрих к популистской риторике; они укоренены в самой логике популизма и вырастают из нее.

ПОПУЛИСТСКИЕ ЛИДЕРЫ

На первый взгляд, многие популистские лидеры как будто бы соответствуют нашим ожиданиям, что они «такие же, как мы», что они «мужчины (и даже женщины) из народа». Но совершенно очевидно, что далеко не все лидеры такого рода вписываются в это определение. Дональд Трамп совершенно точно не «такой же, как мы» во всех смыслах этого слова. Вообще-то, похоже, что настоящий популистский лидер — на самом деле прямая противоположность «нам», т.е. обыкновенным людям. Он или она должен быть харизматической личностью, т.е. наделенным необыкновенными талантами. Был ли Уго Чавес обыкновенным человеком? Или он был особым, потому что в нем было «пнемножку от вас от всех», как он любил говорить? На первый взгляд, может показаться, что логика представительства посредством механизма выборов применима и к популистам: политика-популиста выбирают за его *выдающуюся* способность ви-

деть, в чем заключается народное благо⁵⁵. Это ничем не отличается от общих представлений о механизме выборов, согласно которым путем голосования выбирают «лучшего» (это дало повод некоторым экспертам утверждать, что в выборах всегда содержится элемент аристократизма; если бы мы и впрямь считали, что все граждане равны, достаточно было бы простой лотереи, чтобы заместить все должности, как это и происходило в античных Афинах)⁵⁶. Может казаться, что избранный таким образом представитель лучше всех понимает, что такое благо для народа, потому что он похож на нас в каких-то важных аспектах, но это не обязательно. В конце концов, абсолютно похожих людей не бывает. Даже «слесарь Джо» в каком-то смысле особенный, потому что он более обыкновенный, чем все остальные⁵⁷.

Ключ к тому, как на самом деле устроено лидерство в популизме, можно обнаружить в предвыборных лозунгах австрийского крайне правого популиста Хайнца-Кристиана Штрахе (преемник Йорга Хайдера в качестве лидера Австрийской партии свободы): *ER will, was WIR wollen* («ОН хочет того, чего хотим МЫ»), что вовсе не то же самое, что «он такой же, как ты». Или другой лозунг: *Er sagt, was Wien denkt* («Он говорит то, о чем Вена думает») — а не «Он — это Вена». Или вспомним вымышленного политика из совершенно другой части света: лозунг Вилли Старка из «Вся ко-

⁵⁵ *Manin B.* The Principles of Representative Government. N.Y.: Cambridge University Press, 1997; *Манен Б.* Принципы представительного правления. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008.

⁵⁶ *Ibid.*; Там же.

⁵⁷ *Ibid.*; Там же. «Идентичность» была одним из обещаний национал-социализма: Карл Шмитт придал ей юридический статус, чтобы подчеркнуть ключевую роль *Artgleichheit*, расовой однородности, тождества между фюрером и народом. См.: *Schmitt C.* Staat, Bewegung, Volk: Die Dreigliederung der politischen Einheit. Hamburg: Hanseatische Verlagsgesellschaft, 1935.

Что такое популизм?

ролевская рать» (величайшего романа о популизме в истории литературы, в основу которого легли некоторые факты карьеры Хьюи Лонга в Луизиане) — «Я слушаю сердце народное».

Лидер правильно понимает то, о чем мы правильно думаем, а иногда он даже улавливает эту правильную мысль немножко раньше, чем мы сами. Осмелюсь предположить, именно эта идея стоит за столь частыми призывами Дональда Трампа в Твиттере: «ПОУМНЕЙ!» или «ДУМАЙ!» И все это не зависит от харизмы, и для этого вовсе не надо быть политическим изгоем. Конечно, если ты идешь против правящих элит, не принадлежа к ним, это вызывает больше доверия. Тем не менее, конечно же, есть случаи, когда популисты являются политиками-карьеристами: Герт Вилдерс и Виктор Орбан всю жизнь провели в парламенте. Это не помешало им быть популистскими лидерами.

Но что они на самом деле имеют в виду, когда утверждают, что являются нашими представителями и «лидерами»? Если исходить из наблюдений, которые мы успели сделать в этой главе, это представительство должно быть «символически корректным». Лидеру не обязательно обладать личной харизмой. Но он (или она) должен транслировать ощущение непосредственной связи с самой «сутью» народа, а лучше всего — с каждым отдельным человеком. Вот почему в кампаниях Чавеса фигурировали такие лозунги, как *¡Chávez es pueblo!* («Чавес — это народ!») и *¡Chávez somos millones, tú también eres Chávez!* («Чавес — это миллионы нас, ты тоже Чавес!»). После его смерти люди объединились под новым лозунгом: *Seamos como Chávez* («Будем как Чавес»).

Лидеру необязательно «воплощать» собой народ, как следует из таких утверждений, как «Индира — это Индия, Индия — это Индира». Но обязательно должно присутствовать ощущение непосредственной связи и идентификации с лидером. Популисты всегда стре-

мятся к тому, чтобы, так сказать, вычленив среднего человека и по возможности вообще не привлекать сложно устроенные партийные структуры в качестве посредников между гражданами и политиками. То же самое относится и к журналистам: популисты всегда упрекают массмедиа за то, что те являются *медиаторами*, посредниками; строго говоря, в этом и заключается функция *массмедиа*, как следует из самого названия, но популисты считают, что СМИ просто искажают политическую реальность. Надя Урбинати придумала в связи с этим феноменом полезное, хотя и немного парадоксальное, понятие «прямое представительство»⁵⁸. Идеальный пример — Бeppe Грилло и его движение «Пять звезд» в Италии, которое буквально выросло из блога Грилло. Простой итальянец может выяснить, что на самом деле происходит, зайдя на сайт Грилло, и, выразив там свое мнение, тем самым идентифицироваться с Грилло как с единственным подлинным представителем и выразителем интересов итальянского народа. Вот как объясняет это сам Грилло: «Ребята, вот как это работает — вы мне сообщаете свое мнение, а я работаю усилителем»⁵⁹. Когда *grillini* — так называют сторонников Грилло — в конце концов попали в парламент, Джанроберто Казаледжо, политтехнолог и сетевой администратор Грилло, заявил, что наконец-то в парламент прошло «мнение итальянского народа»⁶⁰.

Вполне возможно, что твиттер Дональда Трампа должен был играть роль такой же приманки во время президентской кампании 2016 г.: «настоящие американцы», минуя массмедиа, получают прямой доступ (точнее, ил-

⁵⁸ *Urbinati N. A Revolt against Intermediary Bodies // Constellations. 2015. Vol. 22. P. 477–486; Urbinati N. Zwischen allgemeiner Anerkennung und Misstrauen // Transit: Europäische Revue. 2013. No. 44.*

⁵⁹ Цит. по: *Diehl P. Populist Twist.*

⁶⁰ *Grillo B., Casaleggio G., Fo D. 5 Sterne: Über Demokratie, Italien und die Zukunft Europas / C. Ammann, A. Peter, W. Kogler (transl.). Stuttgart: Klett-Cotta, 2013. P. 107.*

люзию прямого доступа) к человеку, который не просто знаменитость, а настоящий «Хемингуэй 140 знаков», как он назвал себя. Все то, что либералы от Монтескье до Токвиля восхваляли как умиротворяющее воздействие посреднических органов, оказывается сметено в пользу «прямого представительства» Урбинати. Все, что могло бы противоречить нашим представлениям, глохнет в эхо-камере Интернета. У Сети (и у лидеров вроде Трампа) всегда есть ответ — и он поразительным образом всегда именно такой, на какой мы и рассчитываем.

Бескомпромиссный антиплюрализм и принцип «прямого представительства» объясняют еще одну особенность политиков-популистов, которую обычно рассматривают отдельно от остальных. Я имею в виду то обстоятельство, что популистские партии почти всегда внутренне монолитны, а рядовые члены напрямую подчиняются единому лидеру (реже — группе лидеров). Конечно, «внутренняя демократия» политических партий — которую ряд уставов считает лакмусовой бумажкой, тестом на демократию и, следовательно, на легитимность (и в конечном счете легальность) партии — может быть во многом пресловутым благим намерением. Многие партии до сих пор являются, как говорил Макс Вебер, просто машинами для отбора и избрания лидеров, площадками для амбициозных политиканов, а не форумом для аргументированных дебатов. Это свойственно всем партиям; но популистские партии особенно склонны к внутреннему авторитаризму. Если есть только одно общее благо и только один способ подлинного его представительства (в отличие от либо узкопартийных, либо допускающих возможность ошибки представлений об общем благе), то разногласия внутри партии, которая претендует на то, чтобы быть единственным законным выразителем народных чаяний, недопустимы⁶¹. И если может быть только одно «символически корректное»

⁶¹ White J., Ypi L. On Partisan Political Justification // American Political Science Review. 2011. Vol. 105. P. 381–396.

представительство настоящего народа — концепция, на которую, как мы уже видели, постоянно ссылаются популисты, — то нет особого смысла дискутировать по этому поводу.

Крайний пример такого рода — партия Герта Вилдерса «Partij voor de Vrijheid» (PVV). Это партия одного человека не в переносном, а в самом буквальном смысле слова: Вилдерс контролирует все и вся. Изначально Вилдерс и его главный идеолог Мартин Босма хотели основать не политическую партию, а фонд. Юридически невозможно, но факт: сегодня PVV функционирует в качестве партии, в которую входит всего лишь два члена — сам Вилдерс и фонд «Stichting Groep Wilders» (единственный член фонда, как нетрудно догадаться, все тот же Вилдерс)⁶². Члены PVV в парламенте — это просто делегаты (каждую субботу Вилдерс их жестко натаскивает, как они должны вести себя и как им заниматься законотворческой работой в парламенте)⁶³. Примерно так же дело обстоит и с Грилло. Он вовсе не просто «усилитель», как он себя любит называть. Он контролирует «своих» парламентариев и изгоняет из движения всех, кто осмеливается выражать несогласие с ним⁶⁴.

Конечно, на практике популисты идут на компромиссы, вступают в коалиции и умеряют свои претензии на уникальное представительство народной воли.

⁶² Lucardie P., Voerman G. Geert Wilders and the Party for Freedom in the Netherlands: A Political Entrepreneur in the Polder // Exposing the Demagogues: Right-Wing and National Populist Parties in Europe / K. Grabow, F. Hartleb (eds). P. 187–203. <http://www.kas.de/wf/doc/kas_35420-544-2-30.pdf?140519123322> (дата обращения 15.01.2016). По правде говоря, у Вилдерса были причины для такого тотального контроля: он видел, как партия Пима Фортёйна полностью развалилась после убийства Фортёйна в мае 2002 г. См.: De Lange S.L., Art D. Fortuyn versus Wilders: An Agency-Based Approach to Radical Right Party Building // West European Politics. 2011. Vol. 34. P. 1229–1249.

⁶³ Ibid. P. 1229–1249.

⁶⁴ Diehl P. Populist Twist.

Но было бы неверно считать, что они такие же, как и все остальные партии. Они не просто так хотят быть «фронтом» (Национальный фронт), «движением» или фондом⁶⁵. Партия — это всего лишь часть (народа), а популисты претендуют на то, чтобы выразить волю целого, без остатка. В реальной практике содержание «символически корректного представительства» народа может со временем меняться в рамках одной и той же партии. Возьмем Национальный фронт. При основателе партии Жане-Мари Ле Пене партия изначально была пристанищем правых экстремистов, монархистов и в особенности тех, кто не смог смириться с утратой Францией Алжира в 1960-х. Позже дочь Ле Пена Марин отказалась от исторического ревизионизма своего отца (который печально знаменит, в частности, тем, что назвал газовые камеры «историческими мелочами») и попыталась подать свою партию как последний оплот французских республиканских ценностей перед лицом двойной угрозы ислама и экономической диктатуры Еврозоны, навязываемой Германией. Каждое второе воскресенье мая Народный фронт проводит митинг у статуи Жанны д'Арк в первом парижском округе, символически выражая тем самым свою преданность идее независимости Франции и подлинно народного французского суверенитета. Времена меняются, а вместе с ними и способы, которыми можно активизировать идею «подлинного народа», выявляя главных врагов Республики.

Подобные трансформации легче осуществить, если базовый лозунг популистов будет оставаться, по сути дела, пустым. Какой смысл в лозунге «Сделаем Амери-

⁶⁵ «Lega Nord» («Лига Севера») организована как клан, а Национальный фронт возглавляет одна семья (преемницей Жана-Мари Ле Пена стала его дочь Марин; Марин, в свою очередь, готовит себе на смену свою племянницу Марион. В настоящее время шесть представителей семьи Ле Пенов являются кандидатами в члены партии). См.: *Guerot U. Marine Le Pen und die Metmorphose der französischen Republik // Leviathan*. 2015. Vol. 43. P. 139–174.

ку снова великой!», кроме того, что элиты обманули народ и что всякий, кто против Трампа, тем самым выступает против «величия Америки»? Какой другой смысл есть в лозунге Джорджа Уоллеса «Борись за Америку!» (общенациональная версия успешного лозунга «Борись за Алабаму!»), помимо того что Америку хотят принести в жертву и что все, кто критикует Уоллеса, автоматически становятся теми, кто отказывается защищать Соединенные Штаты?

ЕЩЕ РАЗ: ТАК, ЗНАЧИТ, ВСЕ МЫ ПОПУЛИСТЫ?

Как мы уже видели, популизм — это способ осмысления политической реальности с моральной точки зрения, который подразумевает претензию на исключительное моральное представительство. Конечно, о морали и нравственности говорят далеко не только популисты; любой политический дискурс пронизан моральными утверждениями, и любой политик выдвигает то, что Майкл Соуэрд назвал «репрезентативными притязаниями»⁶⁶. Мало найдется политиков, которые буду говорить: «Мы всего лишь фракция, мы представляем интересы отдельной группы». Еще меньше политиков готовы признать правоту своих оппонентов, поскольку сама логика политического соперничества делает это невозможным. Но демократические политики отличаются от популистов тем, что выдвигают свои репрезентативные притязания в виде гипотез, которые могут быть опровергнуты эмпирическим путем на основании реальных результатов, полученных благодаря установленным процедурам и институтам, таким как выборы⁶⁷. Или, как утверждает Паулина Очоа Эспехо, притязания демократов на выражение народной воли являются самоограничи-

⁶⁶ Saward M. The Representative Claim // Contemporary Political Theory. 2006. Vol. 5. P. 297–318.

⁶⁷ Ibid. P. 298.

тельными, и в них заложена возможность ошибки⁶⁸. В этом смысле демократы могли бы подписаться под знаменитыми словами Беккета из «Худшему навстречу»: «Пытался. Проиграл. Неважно. Попытайся еще раз. Проиграй снова. Проиграй лучше». Популисты же, наоборот, будут настаивать на своих репрезентативных притязаниях, невзирая ни на что, потому что их притязания носят моральный и символический, а не эмпирический, характер, их нельзя опровергнуть. Будучи в оппозиции, популисты неизменно стараются посеять сомнения в институтах, которые производят «неправильные с моральной точки зрения» результаты. Поэтому их можно было бы назвать «врагами институтов» — хотя и не институтов как таковых. Они попросту враги механизмов представительства, которые не оправдывают их притязаний на эксклюзивное моральное представительство.

Непопулистские политики не заявляют в пламенных речах, что они говорят от лица той или иной группы (хотя некоторые, действительно, представляют конкретные группы; в Европе, во всяком случае, названия партий часто указывают на то, что они представляют определенную клиентелу, например, мелких землевладельцев или христиан). А демократические политики средней руки вовсе не стремятся открыто исповедовать возвышенную этику, согласно которой мы все, несмотря на наши узкопартийные взгляды, участвуем в общем проекте, нацеленном на совершенствование фундаментальных политических ценностей политического сообщества⁶⁹. Но большинство из них вполне согласятся с тем, что представительство не является незыблемым и непогрешимым, что мнение оппонентов имеет право на существование, что общество не

⁶⁸ *Ochoa-Espejo P.* Power to Whom? The People between Procedure and Populism // *The Promise and Perils of Populism: Global Perspectives* / C. de la Torre (ed.). Lexington: University Press of Kentucky, 2015. P. 59–90.

⁶⁹ *Rosenblum N.L.* On the Side of the Angels...

может быть представлено целиком и без остатка и что одна-единственная партия или человек не могут быть неизменными представителями подлинного народа вне демократических процедур и установлений. Что означает, что они имплицитно основываются на утверждении, сформулированном Хабермасом: «народ» существует только во множественном числе⁷⁰.

Итак, популизм — это не психологическая особенность, не какой-то определенный социальный класс и не политика упрощенчества. И это не вопрос стиля. Да, Джордж Уоллес подчеркнуто носил дешевые костюмы и говорил американцам, что он «все ест с кетчупом». Да, некоторые популисты испытывают на прочность границы дозволенного, делая грубые заявления в теледебатах (или оскорбляя ведущего). Но из этого не следует, как считают некоторые социологи, что популисты — это просто-напросто люди с «плохими манерами»⁷¹. Популизм — это не просто любая мобилизационная стратегия, которая апеллирует к «народу»⁷²; он использует весьма специфический язык. Популисты не просто критикуют элиты — они также претендуют на то, что они и только они являются представителями истинного народа. И этот особый язык — не просто субъективные впечатления. Такие исследователи, как Кит Хокинс, занимаются систематическим выявлением элементов популистского языка и даже сумели дать количественную оценку его распространению в различных странах⁷³. Таким об-

⁷⁰ *Habermas J. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1994. S. 607.*

⁷¹ *Moffitt B., Tormey S. Rethinking Populism: Politics, Mediatization and Political Style // Political Studies. 2014. Vol. 62. P. 381–397.*

⁷² *Jansen R.S. Populist Mobilization: A New Theoretical Approach to Populism // Sociological Theory. 2011. Vol. 29. P. 75–96.*

⁷³ См.: *Hawkins K. Is Chavez Populist? Measuring Populist Discourse in Comparative Perspective // Comparative Political Stud-*

Научное издание

Серия «Политическая теория»

ЯН-ВЕРНЕР МЮЛЛЕР

ЧТО ТАКОЕ ПОПУЛИЗМ?

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

АНАСТАСИЯ АРХИПОВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор

ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 18.12.2017. Формат 84×108/32

Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 5,9. Уч.-изд. л. 7,6

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 2131. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Тел.: (8352) 56-00-23